

26 ЮН 1969

— О вашем «Миндаугасе» знают и говорят сегодня в широких кругах театральной общности далеко за пределами Литовской ССР. Скажите, как вы сами расцениваете вашу поэму-драму? Какое место занимает она в вашем творчестве? Каковы ваши взаимоотношения с театрами?

— Прошлый театральный сезон был для меня необычайно бурным. Посудите сами: три премьеры! Такое мне действительно не снилось и не мечталось! В декабре 1968-го состоялась премьера моего поэтического спектакля «Падающие звезды» в Клайпедском драматическом театре (режиссер П. Гайдис), в первых числах января 1969-го взвился занавес «Миндаугаса» в Вильнюсе, в Академическом театре драмы Литовской ССР (режиссер Г. Ванцявичюс); а спустя два месяца, в марте — вторая премьера «Миндаугаса» в Клайпеде (режиссер П. Гайдис). Согласитесь, даже искушенному драматургу нелегко «переварить» подряд три премьеры. А что уж говорить мне, человеку, который до сих пор лишь два раза, да и то довольно случайно, выходил на театральные подмостки (я имею в виду инсценировку моих поэм «Двадцатая весна» и «Кровь и пепел»).

Но вот смолкли аплодисменты, театр опустел, наступило лето. И на душе немножко тревожно перед неизвестностью: каким будет мой следующий шаг в драматургии?

Видимо, настал момент трезво осмыслить пройденное. И главным в этом пройденном была, конечно, поэма-драма «Миндаугас».

Сейчас, отойдя на некоторое расстояние, я все больше понимаю, что эта драма не была для меня случайностью, что ее идейно-художественная концепция как бы вытекает из всего, что я делал ранее. И прежде всего из моих поэм. Уже в «Двадцатой весне» (1956 г.) я, кажется, нащупал главную свою тему — место человека в жизни, его судьба, его миссия и назначение.

Путь к «Миндаугасу» от «Двадцатой весны» был нелегким. Он лежал через «Кровь и пепел» (1960 г.), «Публицистическую поэму» (1965 г.) в какой-то мере, и через повесть «Сосна, которая смеялась» (1961 г.). «Миндаугас» — как бы завершение, синтез и моей главной темы, и всего моего опыта, поэтического и человеческого начал. История (время) и человек проявляются в поэме-драме двупланово — удается проследить и глубоко личный мир человека, и его историческую судьбу.

В «Миндаугасе» я использовал маленькую хитрость, и она, по-моему, вполне оправдалась. Суть ее вот в чем. Вы помните, в драме действуют два летописца — Черный и Белый. Это, если хотите, два

взгляда на историю и на человека в ней, на смысл и ценность его помыслов и поступков, всего происходящего, творимого, содеянного.

Однако я, автор, отнюдь не солидаризируюсь ни с Черным, ни с Белым летописцем. Как вы, наверное, заметили, между ними всегда остается место третьему. Этот третий активно втягивается в действие. Спор летописцев заставляет его вырабатывать свой собственный взгляд на все, что происходит на сцене. Мы его не видим, этого третьего, он сидит в зале. И он, третий, не просто зри-

театра, о котором так много думают и говорят в последнее время!

— Если назвать «поэтическим театром» просто монтаж из стихов — это не то, о чем я мечтаю. Как ни грустно в этом признаваться, но иногда подобный «поэтический театр» появляется на свет просто из-за нехватки настоящей, полноценной драматургии. Но я действительно горячий поклонник такого «поэтического театра», который возникает как свидетельство тяготения театра к поэзии.

Театр настоящего, а если хоти-

говорить о традициях, называть своих учителей? Ведь всякий ученик должен быть достоин своего учителя.

Вместо прямого ответа на ваш вопрос разрешите мне порассуждать лишь о форме: высказаться в защиту драмы в стихах. Это ведь тоже традиция, которая, кстати, в литовской литературе особенно сильна. Достаточно назвать имя крупнейшего литовского драматурга Баласа Сруоги, наследие которого, между прочим, до сих пор еще как следует не прочтено современным советским литовским театром.

личности театрального героя. И сами вы очень последовательны в этом принципе. Ваша поэзия и драматургия масштабны и в то же время удивительно человечны.

В поле вашего поэтического зрения — всегда настоящий герой, даже если речь идет о самых простых, естественных человеческих чувствах. Ваш лирический герой всегда активен — земной, страдающий, борющийся.

— Искусство (или человековедение?) пока еще самый верный и почти единственный инструмент, при помощи которого мы хоть что-то узнаем о человеке, о его внутреннем мире, а стало быть, и о самих себя. Не вижу смысла в искусстве, если смысл его — не человек.

Но можно по-разному относиться к предмету искусства — утверждать, создавать человека или разрушать, опустошать его. В речи на московском Совещании коммунистических и рабочих партий Л. И. Брежнев говорил, что «...наемные идеологи империалистов создали специальную псевдокультуру, рассчитанную на оглушение масс, на притупление их общественного сознания».

Задача художника-гуманиста не оглушать, а обогащать, не втаптывать в грязь, а окрылять человека. В этом безграничное преимущество нашей идеологии, нашего искусства.

Может, и не сознавая того, каждый человек ежедневно, ежечасно ищет ответ на вопрос, как жить, чтобы больше помочь людям, всей своей деятельностью, всеми физическими и духовными порывами. И в каждом случае это именно его ответ, личный и неповторимый.

Увидеть за этим ответом огромную работу человеческой души, ее диалектику, ее сущность, ее жизнеутверждающий пафос — вот, по моему, в чем состоит призвание художника. Если мы приблизимся к этой цели, мы обязательно встанем на сторону человека, научимся защищать светлое, доброе в его душе.

Я работаю, пишу для людей, которые вокруг меня, которые во мне. Их много, их очень много. И они даже не подозревают, как помогают мне. Они владеют моими мыслями и моей рукой так же, как я владею их судьбами, когда пишу про них и для них.

Я за вечное обновление искусства, за творческий поиск, за смелый эксперимент. Но опять же во имя человека, во имя искусства. Я против нарочитого усложнения формы, как и против схематичной упрощенности, лицемерности. Тенденции такого рода свидетельствуют о недоверии к читателю, зрителю, слушателю, к человеку, к его духовным способностям, к воз-

можностям, скрытым в нем самом. Искусство для того и существует, чтобы помочь их раскрытию и развитию. Только таким представляется мне отношение между искусством и его потребителем — народом.

— Ну, а теперь вопрос традиционный, без которого не обходится ни одно интервью: ваши творческие планы! В каком жанре, с какой темой вы собираетесь выступить в ближайшее время!

— Окрыленный закончившимся театральным сезоном, открываю вам: мечтаю, страстно хочу продолжить работу в драматургии. «Миндаугас» мне видится лишь первой частью будущей трилогии. Думаю о последующих частях. Кроме того, после каждой поэмы, повести, драмы я всегда жадно набрасываюсь на лирику. Это помогает мне снова почувствовать актуальность лирических мгновений.

Кажется, следующей моей книжкой будет сборник новых лирических стихов.

— И, наконец, два-три слова о ваших вкусах за пределами творчества. Ваши привязанности, склонности! Сейчас разгар лета. Оно в Литве прекрасно — мягкое, ласковое, лиричное. Как вы любите отдыхать!

— Мог бы ответить, что каждую свободную минуту спешу использовать для общения со своими читателями и зрителями. Но это было бы неправдой. По природе своей я человек не очень общительный. И так мало времени остается для общения с самим собой! А лирика (может, и драма?) без такого сосредоточенного «общения» просто немислима.

И еще. Терзает тоска по земле. Я ведь сын крестьянина. Некогда я умел и любил посредством немудреной работы общаться с землей. И часто мне снится весенняя пахота. Слышу, чувствую, как плуг с сопротивлением вгрызается в землю, как пахнет конским потом, свежим коровьим молоком и как вечером все тело наливаются приятной усталостью... Никогда с тех пор я не бывал так приятно усталым...

Вы спрашиваете, что я люблю? Люблю детей. Своих и чужих. Даже слезы навертываются на глаза при одной только мысли о них. Люблю их, и все им позволяю: пускай как можно дольше живут они с иллюзией, что человеку все доступно...

А в общем, ей-богу, ничем не отличаюсь от других людей, чтобы мой самоанализ мог быть для кого-нибудь поучительным. Как говорится, ничто человеческое мне не чуждо.

ВИЛЬНЮС.

мир художника

...КАК ЧЕЛОВЕК СИЛЕН И КАК ЛЮБОВЬ НЕИСТРЕБИМА!

ДИАЛОГ ЖУРНАЛИСТКИ ОЛЬГИ МАКАРОВОЙ И ПОЭТА-ДРАМАТУРГА ЮСТИНАСА МАРЦИНКЯВИЧЮСА

тель. Он и творец драмы. Хочет того или нет, он ее действующее лицо.

Театр угадал этот ключ к драме, но, мне кажется, не всегда достаточно уверенно пользуется им.

Драматургия... Это удивительная штука, которая способна вскружить голову кому угодно. После прикосновения к ней, даже самого робкого и быстротечного, она оставляет тебя обогащенным, более зрелым, с обостренным восприятием мира, более чутким и более «конфликтным». Это, как море, — увидишь его, и все озера и реки покажутся тебе мелкими.

Я глубоко убежден: каждый поэт должен прикоснуться к драме. Иначе он измеляет.

А театр? Иногда (пожалуй, даже довольно часто!) тщетно пытается театр создать нечто полноценное на основе пьесы слабой, неяркой, мелкой. Как бы ни старался приукрасить ее всевозможными современными театральными одеждами, ему не выдать ее за нечто крупное, значительное. Чахлая драматургия порождает чахлая спектакль.

— Вы говорите, что не мыслите поэта, не прикоснувшегося к драматургии. Не значит ли это, что вы поборник «поэтического

те, и театр будущего, видится мне, как некое органическое слияние драматургического и поэтического, как театр, очищенный от бытового (в будничном понимании этого слова) для высоких страстей, для значительных личностей, для крупных побед и поражений.

Словом, истинному театру, я убежден, необходима масштабность мышления и масштабность действия. Но простите меня, что я, новичок в театре, позволяю себе так категорически и так уверенно рассуждать о нем, о его настоящем и будущем. Люблю его. Считаю одним из величайших чудес человеческого духа. И не могу примириться, когда весь его могучий и прекрасный арсенал направляется на реализацию мелкой, пустяковой мыслишки. Это все равно, что пустить сложную электронно-вычислительную машину для доказательства, что дважды два — четыре.

Но виноваты в таком положении, конечно, прежде всего мы, драматурги.

— Кто ваши учителя в драматургии! Какие традиции вам дороги! Где берут они начало, куда идут!

— От этого вопроса я хотел бы уйти... Имею ли право я, делающий лишь первые шаги в драматургии,

Так вот, драма в стихах. Ее апология опять же вытекает из моего идеала театра: синтетическое слияние поэтического и драматургического начал.

Уже не только как драматург, но и просто как зритель, влюбленный в театр, я хочу чаще слышать со сцены очищенное, организованное поэтическое слово, которое вошло бы в душу. Хочу монолога, в котором мог бы страдать, погибать и опять воскресать вместе с артистом, вместе с театром.

Поймите меня правильно: я отнюдь не агитирую всех драматургов писать стихами. Это невозможно, да и стремиться к этому не нужно, конечно. Просто я высказываюсь против приниженого, замусоренного слова, которое, увы, все настойчивее пробивается на сцену под лозунгами: «Вот это жизнь как она есть!».

Может быть, именно «поэтический театр» призван очистить язык сцены?

— Извините меня за то, что я, нарушив «законы жанра» и откинув холодную невозмутимость интервьюирующего журналиста, скажу несколько слов о вашем творчестве, как я его понимаю, за что особенно люблю. Вот вы сегодня говорите о масштабности